

Г. А. ЛОШАКОВА

(Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова)

ИДИЛЛИЯ КАК ПОБЕГ ОТ РЕВОЛЮЦИИ: АДАЛЬБЕРТ ШТИФТЕР И ФЕРДИНАНД ФОН ЗААР

Жанр идиллии был и остается предметом пристального внимания литературоведов на протяжении многих десятилетий [Tismar 1973; Diekkämper 1990; Adler 2014]. Причину этого устойчивого интереса можно объяснить, на наш взгляд, тем обстоятельством, что чрезвычайно устойчивой оказалась сама жанровая структура, позволяющая выразить мечты писателя любой исторической эпохи о гармоническом состоянии души. Реакцией на революционные исторические события в Европе XIX века становится в творчестве названных авторов попытка моделирования идиллического мира, в котором герой на руссоистской основе строит свои отношения с обществом и природой. Релевантными чертами этой концепции являются в творчестве Адальберта Штифтера (Adalbert Stifter, 1805–1867) следующие. Осуждение эгоистической, волевой, «романтической» личности в новеллах «Дурацкий замок» («Die Narrenburg», 1843), «Старая печать» («Das alte Siegel», 1844), неприятие насилия и осуждение революции 1789 года во Франции в его письмах, в новелле «Уверенность» («Zuversicht», 1846), реконструкция идеальных семьи и общества в сборнике «Пестрые камни» («Bunte Steine», 1853) и романах «Бабье лето» («Der Nachsommer», 1857) и «Витико» («Witiko», 1867).

Фердинанд фон Заар (Ferdinand von Saar, 1833–1906), пытаясь понять социальные процессы нового времени, рисует новых героев (представители разночинных сословий и рабочего класса, героини, стремящиеся к эмансипации и страдающие от невротических комплексов проблемного брака). Он создает ландшафты нового типа, связанные с внедрением промышленности в природу. Однако, осознавая вызовы современного ему предреволюционного мира, он пытается реконструировать как идиллические мотивы («Schloss Kostenitz», 1892), так и сам жанр идиллии («Hermann und Dorothea. Ein Idyll in fünf Gesängen», 1902).

Новелла Штифтера «Уверенность» («Zuversicht», 1846) начинается с экспозиции, представляющей, как во время светского рау-

та в одном из высокопоставленных венских семейств заходит речь о Французской революции XVIII века и о характерах, рожденных ею. Рассказчик предлагает слушателям историю о некоем Марке Эмиле и его отце, достойном и знатном господине. Ее предваряют слова о «зверином начале, кроющемся в человеке», присущем не только «сумасшедшему» революционеру Марату [Stifter 1990a: 356], как называет его одна светская дама, но и многим современникам. Интрига заключается в следующем: любящий отец не решает жениться сыну, придя в ярость от известия, что Эмиль уже вступил с предметом своей страсти в любовные отношения. Во время Французской революции Эмиль воюет против контрреволюционного войска эмигрантов. Кульминационный момент повествования — убийство сыном отца во время боя и последовавшее за этим его собственное самоубийство. Далее следует развязка, когда присутствующие узнают об умирании семьи и рода. Типично бидермейеровская установка привязана здесь к значительному историческому событию, интерес к которому Штифтер определенно испытывал. Однако не случайно здесь сплетены в единый смысловой узел «звериное начало» «сумасшедшего» Марата, вражда между отцом и сыном и последующая их смерть. Революция рождает насилие и несет его в семью и в частную жизнь.

Тот факт, что Штифтера интересовали знаковые для Европы исторические события, подтверждают его письма и дневниковые записи, сделанные в 1840-е годы [Stifter 1986: 661]. 17 июля 1844 года Штифтер сообщает своему издателю Г. Хекенасту о замысле исторического романа о Максимилиане Робеспьере. «Последний материал так прекрасен и привлекателен, что я сам, читая мемуары и делая заметки, прихожу в ужас и ощущаю облик того вызывающего содрогание времени» [Ibid.: 662]. Он отмечает, что такое произведение могло бы вызвать большой интерес. «В ниспровержении... преступления, несмотря на всю сверхчеловеческую силу (какой она часто проявляется и у Дантона), заложено потрясающее моральное величие, и мировой дух взирает на нас трагическим взглядом» [Ibid.].

Штифтер, как принято говорить о писателях любого предреволюционного периода, чувствует «колебания почвы». Революционные события 1848 года Штифтер воспринял вначале позитивно. Он понимает, что общество и государственное устройство должны изменяться на благо людей. 4 мая 1848 года он пишет Г. Хекенасту, что был чрезвычайно занят, потому что был избран... делегатом в Национальное собрание во Франкфурте в своем округе. Однако он негативно отзывался о современных ему радикальных веяниях, нередко полемизируя с их представителями. Так раньше, 9 января 1845 года, он записывает: «Более всего я опасаясь Молодой Германии», которая «примешивает современные вопросы и впечатления к художественной литературе» [Ibid.: 664]. Он же, напротив, счита-

ет, что «прекрасное не имеет никакой другой цели, кроме как быть прекрасным, и что политику делают не стихами и декламацией, а посредством государственного научного образования...» [Stifter 1986: 664] и духовного воспитания.

В 1847 году в письме к Аурелию Буддеусу выражено острое неприятие Штифтером произведений Фридриха Геббеля. В героях Геббеля он отмечает «погружение в ужас и в индивидуализм, отклонение от любой нормы, что должно выглядеть как сила, но на самом деле является слабостью: так как признак любой силы — это умеренность, сдержанность, нравственная организованность» [Ibid.: 683]. В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что вопрос психической нормы и уравновешенности становится в этот период важным для ряда не только художественных дискурсов. Так, физиолог Э. фон Фейхтерслебен (Ernst Freiherr von Feuchtersleben, 1806–1849) создает эссе о диететике, то есть об умении и средствах сохранить свое телесное и душевное здоровье («Zur Diätetik der Seele», 1838). Эссе Фейхтерслебена имплицитно связано с семантикой творчества как Штифтера, так и ряда других австрийских писателей. «Эта мера (Das Mass), не большая и не малая... Венец человеческой мудрости состоит в том, чтобы правильно определить эту меру. Тот, кто может наполнить меру своего индивидуального существования настоящим образованием... тот сохранит свою жизнь и здоровье» [Feuchtersleben].

Штифтер жалуется в 1848 году также «на вопли сегодняшнего дня, идущие от людей, которые в государственных делах на самом деле ничего не понимают. В письме он выражает надежду вернуться к часам, освященным присутствием муз, а не злободневности» [Ibid.: 685]. 25 мая он вновь размышляет о том, что к власти рвутся люди, которые не умеют обуздывать себя и дают волю гневу. Но что, по мнению Штифтера, «приносит наибольший вред, так это незрелые политики, которые блуждают в мечтах, декламациях и фантазиях...» [Ibid.: 690]. Они не знают, что такое настоящая свобода, которая, по его мнению, заключается в умении подчинять себя законам нравственности. И люди, стремящиеся к власти, должны воспитывать себя в рамках нравственного закона. Не случайно уже в сентябре писатель сообщает Г. Хекенасту о замысле нового исторического романа, у которого должна быть совершенно иная мотивировка по сравнению с той, которая была у него до мартовских дней. Этот роман должен быть из времен короля Оттокара и предназначен стать подходящим чтением для периодов войн и переворотов, подобно тому «как я сам смог работать над ним во время горячечных политических проявлений» [Ibid.]. Он надеется, что дальше возобладают разум и чувство красоты. В противном случае настанет время, «когда пролетариат, подобно всякому гуннскому племени, будет гордо возвышаться, потеряв, к ужасу, человеческий облик над развалинами дворцов муз и божеств» [Ibid.: 691]. Он сно-

ва повторяет, что необходимо настоящее образование, воспитание человеческого достоинства, опирающегося на разум.

В дальнейшем его творчество развивается, исходя из исторических и этических уроков, полученных им в год революции. Создаются произведения, в которых представлен идеал дома и семьи («Бабье лето») и идеал утопического государства («Витико»). В обоих произведениях ярко представлена структура идиллии: природа, формирующая героев, воспитание и обучение в ее рамках, остановленное время, никоим образом не соприкасающееся с современностью, искусственно воссозданное пространство. В его новеллистике также выражено стремление во что бы то ни стало разрешить гармонически все конфликты действительности.

В своих последних рассказах и новеллах Штифтер склонен к созданию идеализированной утопии, которая была характерна и для романа «Бабье лето». Типичным образцом позднего творчества А. Штифтера можно считать один из его последних рассказов «Святое изречение» («Der fromme Spruch», 1867). Как во многих предыдущих произведениях, писатель обращается в данном рассказе к теме семьи, любви, связи поколений. Можно отметить ярко выраженную педагогическую направленность повествования, в котором представлены взгляды самого Штифтера на воспитание человека. Завязкой действия является желание героев сочетать браком своих юных родственников, носящих те же самые имена, что и их опекуны — Дитвин и Герлинт. Типично бидермейеровская референция в дальнейшем усложняется элементами психологизма. Выясняется, что юные Дитвин и Герлинт обладают гордыми непокорными характерами, которые они проявляли достаточно жестко уже в детстве: мальчик бил свою юную родственницу, а девочка как-то нанесла ему рану ножом. В искусственно созданной ситуации знакомства и сближения в доме тети герои проявляют все те же характерные для них черты. По мнению Дитвина-старшего, человек имеет в своей жизни три фазы развития. «В первой фазе берет верх горячность, потом приходят различные фантазии, и только потом проявляются кротость и сердечность, которые продолжают до преклонного возраста» [Stifter 1990b: 677]. Юные родственники, как говорят старшие, находятся где-то между первой и второй фазами развития. Только с заключением брака они способны перейти в третью, которая определила бы их дальнейшую жизнь.

Автор в качестве этического и эстетического ориентира выделяет такие черты, как простота и естественность, трактуемые им в руссоистском плане. Руссоистский код обозначен при описании комнаты Герлинт в пышном и богатом замке ее тети. «Потом она сняла все картины и гравюры со стен и оставила стены пустыми. Со своей постели она велела убрать все занавеси и поставить постель так, чтобы она при пробуждении могла смотреть на небо через высокие окна [...]. В жилой комнате и в зале были поставлены рас-

тения [...]» [Stifter 1990b: 707]. Руссоистская символика естественной природы проявляется и в сюжетном повороте отказа героев от выращивания роз. Разведению роз в эпилоге положен предел, семантика роз как цветов, требующих тщательного ухода, снимается указанием «границы», предела, до которого они могли бы распространиться. Дитвин и Герлинт понимают, что пространство между двумя замками, заполненное сплошь розами, противоречило бы естественному состоянию природы и было бы абсурдным. Событие совершилось, заключен брак, и в конце снова повторяется рефрен всего текста: «Браки заключаются на небесах». Однако следует подчеркнуть, что значение его в рамках текста уточняется и конкретизируется. Штифтер демонстрирует характерную бюргерскую позицию, выражающуюся не в ожидании свершения воли небес, а в активности самих людей, способствующих своему счастью. И в этом он проявляется как типичный автор бидермейера. Вместе с тем он снова воспроизводит и в этом своем позднем произведении константную модель идеального и идиллического мира на лоне природы.

Австрийский писатель Фердинанд фон Заар был прозаиком, перу которого принадлежали мастерски написанные новеллы («Novellen aus Österreich», 1897). В конце XIX века он, казалось бы, неожиданно обращается к жанру идиллической поэмы («Герман и Доротея. Идиллия в пяти песнях»). Произведение генетически и текстуально восходит к одноименной идиллии Гёте, которого автор неоднократно цитирует и даже дополняет. Обращение к сюжету гётевских «Германа и Доротеи» можно объяснить аналогичными причинами. Как и великий немецкий поэт XVIII века, Заар стремится к тому, чтобы противопоставить войне и революционному насилию любовь и спокойствие в решении сложных проблем времени.

Заар полагал, что сюжет «Германа и Доротеи» будет актуален для современной ему Австрии. Герман возвращается после своей военной службы на родину, в Моравию. Автор отмечает, что здесь, в отличие от Богемии, спокойно. Герой мечтает построить новый дом, жениться, он любит Зденку, но она к моменту его возвращения уже уехала в Брюнн, выйдя замуж за чеха. В главе «Старики» старшее поколение отмечает, что времена изменились не в лучшую сторону [Saar: 40]. Они обвиняют Бисмарка, что «он действовал так, что Австрии грозит угроза распада» [Ibid.]. Заар ощущает опасность нарастающего национального конфликта, не случайно бургомистр напоминает жителям в 3-й части поэмы: «Мы мирно настроены и хотели бы мирно ладить со славянами страны, так как мы ведь все моравцы» [Ibid.: 48]. Социальные мотивы также вводятся автором. Герман знакомится с Доротеей, племянницей зажиточного бюргера, которая в Вене приобретает профессию учительницы. В пятой части поэмы герою напоминают, что он и Доротея неровня друг другу, ведь Герман простой крестьянин. Однако объяснение влю-

бленных все-таки состоялось, в лесу, вызывающем реминисценции со штифтеровскими произведениями. На небе появляется «белое блистающее облако» [Saag: 63].

В конце идиллии выражено пожелание, чтобы жизнь Германа и Доротеи протекала «по светлomu пути». Следовательно, один из лейтмотивов идиллии «свой — чужой» находит свое идиллическое разрешение. В поэме можно ощутить и штифтеровское стремление к гармонии, несмотря на сложность и трагичность исторических процессов. Следует отметить, что идиллия Заара, так же как и поэма Гёте, основывается на структуре путешествия, пути. Дорога в обоих случаях приводит Германа и Доротею к счастью, миру, любви. Как и у Гёте, в поэме остановлено время. Пространство у Заара сужается, что подчеркнуто тем обстоятельством, что Доротея возвращается из Вены в свой родной край.

Однако Заар, которому был свойствен трагический взгляд на происходящие вокруг него события, вполне осознанно понимает в дальнейшем невозможность идиллии в действительности. Об этом свидетельствует, например, его рассказ «Семья Ворель» («Die Familie Worel», 1905). Данный текст может быть интерпретирован как образец реалистической литературы своего времени. В нем присутствуют все значимые элементы, характеризующие как эпоху, так и эстетические нормы литературного направления. Заар показывает рабочее движение, требования которого поддержаны социал-демократией, семью, не мирящуюся с неравенством и разрывающую связь с традиционным существованием, героя, пытающегося найти счастье в опоре на идеалы руссоизма и Просвещения и терпящего моральную катастрофу. Итогом становится разрыв всех социальных и нравственных связей. Герой рассказа, молодой граф, считает, что «старый общественный порядок находится в процессе отмирания». Будет ли жива социал-демократическая идея, этого никто не знает [Saag 1908: 12].

Планы молодого графа были связаны с руссоистскими идеями о преобразовании жизни. Воспитание своих будущих детей он планирует строить по образцу романа «Эмиль». Важным ориентиром выступают для него также моралистические сочинения Монтеня и Ларошфуко. Он влюбляется в Ольгу Ворель, дочь графского столяра. В повествование вводится старомодный мотив опрощения и сближения с народом. Ольга отвергает молодого графа, потому что одержима, как и вся ее семья, далекоидущими тщеславными помыслами. Она не могла бы просто удовлетвориться браком и семьей. Ее семья уезжает из поместья в город, где постепенно деградирует.

Ольгу обманывает сын фабриканта, потом снова появляется проходимец, который спускает все оставшиеся деньги семейства Ворель и попадает в тюрьму. Ольга воспитывает одна двоих детей. Развязка семейной драмы была маркирована уже в начале повествования. Ольга, ставшая женой социалиста, приняла участие в

революционном марше рабочих против владельца фабрики и была застрелена полицейскими. Как и во многих других произведениях Заара, в данном рассказе выражена драма разрушения старых жизненных основ, атмосфера печали несостоявшихся судеб. Придуманная и выпестованная Зааром гармония «Германа и Доротеи» разрушается новой исторической действительностью. Таким образом, и Штифтер, и Заар пытаются создать в ряде своих произведений модель искусственного гармонического мира на лоне природы, в котором явственно проступают идиллические черты. В творчестве Штифтера идиллия не выступает как отдельно взятый литературный жанр. Она входит естественно в текст новелл или романов как мотив и отголосок литературы прошедшей эпохи, выражающий идеи Ж. Ж. Руссо. Штифтеровская идиллия — это лишь мечта, намек на идеальную возможность более благоприятного для героя хода бытия. Заар сознательно пишет идиллическую поэму, опираясь на авторитет Гёте и противопоставляя идею мира и гармонии разрушительным процессам современного ему мира. Обращение к идиллии, ее трансформация и обыгрывание становятся впоследствии существенными чертами художественной реальности XX века (Г. Гессе, Т. Бернхард, К. Рансмайр).

Литература

- Adler 2014 — *Adler H.* Gattungswissen: die Idylle als Gnoseotop // *Wissenstexturen: literarische Gattungen als Organisationsformen von Wissen.* Frankfurt a. M. [u. a.], 2014. S. 23–42.
- Diekkämper 1990 — *Diekkämper B.* Formtraditionen und Motive der Idylle in der deutschen Literatur des 19. Jahrhunderts: Bemerkungen zu Erzähltexten von Joseph Freiherr von Eichendorf, Heinrich Heine, Friedrich de la Motte Fouqué, Ludwig Tieck und Adalbert Stifter. Frankfurt a. M. [u. a.], 1990.
- Stifter 1986 — *Stifter A.* Autobiographische Skizzen, Fragmente, Briefe, Stammbuchblätter // *Stifter A.* Die Mappe meines Urgrossvaters. Schilderungen. Briefe. München, 1986. S. 597–918.
- Stifter 1990a — *Stifter A.* Zuversicht // *Stifter A.* Bunte Steine und Erzählungen. München, 1990. S. 353–360.
- Stifter 1990b — *Stifter A.* Der fromme Spruch // *Stifter A.* Bunte Steine und Erzählungen. München, 1990. S. 663–736.
- Tismar 1973 — *Tismar J.* Gestörte Idyllen: eine Studie zur Problematik der idyllischen Wunschvorstellungen am Beispiel von Jean Paul, Adalbert Stifter, Robert Walser und Thomas Bernhard. München, 1973.
- Feuchtersleben — *Feuchtersleben E.* Zur Diätetik der Seele // URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-2442/1> (Дата обращения 05.01.2018).
- Saar — *Saar F. von.* Dichtungen in Versen // *Saar F. von.* Sämtliche Werke in 12 Bd. 4. Band. Leipzig. URL: <http://www.archive.org/>

stream/smtlichewerke0304saaruoft#page/n199/mode/2up (Дата обращения 5. 01.2018).

Saar 1908 — *Saar F. von*. Die Familie Worel // *Saar F. von*. Sämtliche Werke in 12 Bd. Bd. 12. Novellen aus Österreich. Leipzig, 1908. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Saar,+Ferdinand+von/Erzählungen/Novellen+aus+Österreich/6.+Teil/Die+Familie+Worel/1> (Дата обращения 3.01.2018).

ZUSAMMENFASSUNG

Die Idylle als die Flucht vor der Revolution: Adalbert Stifter und Ferdinand von Saar

Als Antwort auf die umwälzenden historischen Ereignisse in Europa kann man den Versuch der Gestaltung der Idyllen im Schaffen von Adalbert Stifter und Ferdinand von Saar verstehen. In der idyllischen Welt sind die harmonischen Verhältnisse des Helden und der Gesellschaft dargestellt. Relevant für Stifter sind: seine Kritik der egoistischen „romantischen“ Person, der Gewalt und der Revolution, die Strukturierung der idealen Familie und der Gesellschaft. Saar orientiert sich in dem Poem „Hermann und Dorothea“ am Werk Goethes. Wie bei Goethe stellt Saar der Feindlichkeit der Völker die Liebe und Ruhe entgegen. Während es bei Stifter lediglich um idyllische Motive geht, lässt sich bei Saar auch von „einem Idyll“ als Genre sprechen.